

Андрей
ПЕТРОВ

г. Архангельск

Владимир Потехин

Скворцы на берёзах

Владимир Потехин
Скворцы
на берёзах

«ПОТОМ ХВАТИЛИСЬ, ДА УЖ ПОЗДНО...»

«Скворцы на берёзах» Владимира Потехина – дебютная книга прозы писателя-самоходка из костромской глубинки, вышедшая спустя более тридцати лет после смерти автора благодаря подвижничеству Нины Павловны Веселовой, выступившей в роли редактора и корректора, а по сути, открывателя для широкой читающей публики нового литературного имени. В книге три повести о деревенской жизни, о тяжёлом крестьянском труде, о судьбе русской деревни в XX веке.

Владимир Васильевич Потехин (1931–1990) всю свою недолгую жизнь проработал в сельском хозяйстве в родном Нейском районе Костромской области, с самого начала трудовой деятельности и до последних дней он вел дневник, в котором фиксировал свои размышления о том, что случалось в его жизни, что происходило в деревне и в стране, а еще писал стихи – тоже своего рода дневник, лирический, образный, иногда публиковал заметки и стихотворения в местной печати. В самом конце жизни В.В. Потехин берется за перо, чтоб создать художественные прозаические произведения на основе своих

дневниковых записей, так появились повести, составившие книгу.

Нина Веселова в предисловии к сборнику отмечает важность вклада Владимира Потехина в русскую литературу о деревне, при этом обращает внимание на то, что он «был бесконечно далек от профессиональной писательской среды, обычно имеющей претензии на создание немеркнущих полотен», что он «превыше всего ставил ценности нравственные, корневые, земные, а не узко цеховые». Получились глубокие, социально значимые повести, имеющие немалые литературные достоинства, написанные в лучших традициях классической «деревенской прозы», и не важно, осознавал это автор или не осознавал. Главное, что он был искренен, правдив, равнодушен к тому, о чем пишет, верен своим нравственным принципам.

В повести «Приметы времени» речь идет о первых трудовых шагах автобиографического героя в качестве зоотехника колхоза «Нельша» в 1955–1957 гг. (начальная глава так и называется «Первые шаги»), приметы того непростого времени честно и эмоционально зафиксированы в

произведении (среди названий главков не случайно встречаются такие: «Думы о будущем», «Оппортунист», «Правда-матка»). Герой повести пытается разобраться, в чем причина неурядиц в отстающем колхозе, почему колхозники постоянно испытывают нужду, несмотря на то, что самоотверженно трудятся.

Молодой зоотехник с воодушевлением впрягается в разрешение проблем, подбадривая себя: «Вот тебе и задачи-проблемы. Решай, зоотехник!»; «Вот тебе, зоотехник, еще задачи-проблемы». А проблемы-то серьезные («— У нас разбитые сани да вошь на аркане...»), и главная в том, что на пресловутые трудодни колхозники-труженики ничего не получают, работают бесплатно: «— А лешой ли в трудоднях-то! Что они ешь, что нет — одна радость!»; «Для кого же колхозник-то бедный работал бесплатно?! Для себя, что ли?!»; да еще душат непосильные налоги: «— Платишь, платишь, и все какая-то лешая недоимка, осподи прости».

Видя равнодушие и искренность нового человека в колхозе, люди возлагают на него надежды, пытаются с его помощью добиться справедливости: «— Ну, как жить-то будем, зоотехник? Как живем, дак так, вроде бы, грех»; «— Ты человек новой, неиспорченной, а эти, наши, пропились все». Герой понимает, что отнюдь не в колхозниках проблема: «Так вот ты какой, колхоз «Нельша»! Кажется, начинаю к тебе сердцем прикипать. А люди-то, люди — хорошие люди!»; «С этими бы людьми любые дела вершить! Да вот оплата... Как горько, что люди работают почти за даром»; «Вон как люди болеют душой за колхоз, за дела! А мне казалось, что им брело-ехало. Да нет! Говорят от души — доверяют, значит...»

И сам он старается не ударить в грязь лицом перед ними, быть достойным оказанного ему доверия, вот он на сенокосе: «А я? Эх, не отстать бы, не опозориться, не поддаться мужикам...»; а вот как он ладит с людьми: «Оказывается, и ждали они того лишь, чтобы именно я попросил. Большое дело, когда человека лично о чем-то попросишь»; «Не дай бог, если заведется скандал. Тогда всё пропало, тогда всё будет в тягость, на подозрении — тяжело так!» Работа работой, но бывает и праздник: «Русский человек работать-ломить умел и умеет, но и погулять по-русски не дурак!» (главка «Праздник»).

Как можно заметить из приведенных цитат, повесть эмоционально насыщена, поскольку герой ее — человек равнодушный, беспокойный, принимающий близко к сердцу всё и вся. К тому же, что тоже немаловажно, язык повести

максимально приближен к живой разговорной речи ее героев.

Но вот финал повести, завершающая главка не случайно названа «Тридцать три», спустя именно тридцать три года побывал автобиографический герой в тех местах, где начинал свой трудовой путь, и что же он видит, отчего вновь не может сдержать эмоции: «Но боже ты мой, как же всё изменилось! Как всё заросло! <...> А земля сиротеет... Горько!» Да, таковы приметы времени в честном, заинтересованном восприятии сына этого самого времени, способного мыслить, анализировать, а потому и чувствовать, переживать, страдать.

Перекликается с первой повестью вторая, названная «Лесорубочки». В ней тоже рассказывает о послевоенной колхозной жизни, о бесплатном и бесправном труде колхозников, вынужденных, чтоб как-то справиться с нуждой, отправляться зимой на заработки в лес, и взваливают на себя эту непосильную трудовую ношу совсем девчонки, те самые лесорубочки. Как тут не воскликнуть вслед за одной из героинь повести: «— Лешая жись! В войну переживали, сердце в крови, после войны хуже того! Вот и поживи. Когда хоть лутше-то будет?»

Тем не менее эта повесть в большей степени не о тяготах, а о неизбывной радости крестьянского труда, о всепобеждающей молодости, о зарождающейся любви, о преимуществах поколений (о многом могут сказать даже названия главков повести: «Жатва», «Симпатии», «Дороги», «На побывку», «Вместе», «Вечерка», «Заработок»). А еще в повести говорится о том, как раскрывается, проявляет себя человек в коллективном труде, вот показательная цитата об этом: «Знакомых стало много, все узнали друг друга, пригляделись, оценили, кто чем дышит, у кого какой проступает характер. В тесном рабочем коллективе это быстро схватывается, каким-то внутренним чутьем. Душа отражается как в зеркале, хотя и не показывает человек скрытые тайники, кривульки, закутки, они только ему самому и известны, да и то он до самой глубинной ясности не понимает себя...»

Есть в этой повести лирическое отступление, которое очень хочется привести целиком. Это гимн во славу русской деревенской женщины-матери, способной вынести любые испытания, не растратив душевной чистоты:

«Удивительной родниковой чистоты души у простых деревенских женщин, живущих в лесной глубинке. И нет в их речах изысканных слов, и манеры их без галантных вывертов, а есть в

них мудрая простота и простая мудрость души. Мягкие неторопливые жесты и уважительная простецкая речь, и видится в их душах огонек любви, доброты и сострадания. Ах, матери, матери! Не баловала вас жизнь излишествами. Ни платьев, ни еды, ни богатых хором. Не портила вас жизнь праздностью и бездельем. Да уж и какое тут высокое внимание, если глотали вы слезы по погибшим мужьям своим да с воспаленными от горя глазами шли в поле и на ферму. И обманы, и притеснения не испортили ваши души, не сделали злыми – какая тут золотая душа? Да цены ей нет!..

Не все такие, но большинство. Как же я, черствый, мало учился вашей мудрой доброте, как же мало впитал я вашей родниковой чистоты! Эх, ребята, начитаемся чего-то такого, наватаемся чего-то большого, а на то, что рядом, на мудрость человеческую древнюю рукой машем, мимо проходим, гордимся ученостью. Да полноте, друзья! Не достигли мы их ни думами, ни душой, ни сердцем, их, малограмотных матерей наших».

У этой повести проникновенный пронзительный финал: приносит юная героиня своей матери первый тяжело ей доставшийся лесной заработок, мать со слезами на глазах произносит: «Теперь хоть маленько подыдемся из ямы...» И комок застревает в горле...

Есть еще и постфинал – своеобразный эпилог, конечная глава вновь названа по количеству прошедших с момента основного повествования лет – «Тридцать пять»: встречаются спустя тридцать пять лет лесорубочки, ставшие уже бабушками, и слышим мы их вздох: «– Досталось... всем досталось...»

Жанр третьей повести, давшей название всему сборнику, «Скворцы на березах» определен не иначе как «поэма». И действительно, получилось у автора эмоционально насыщенное, исповедальное, равнодушное лиро-эпическое повествование, пусть и в прозе, ведь рассказывает он о самом дорогом и сокровенном: о детстве, о родственниках, о родной деревне – о счастье жизни, хотя и пришлось детство автора на тяжелые предвоенные и военные годы, хотя и пришлось ему хлебнуть горя и лишений полной чашей.

Бывали поэмы в прозе в русской литературе: у Гоголя, у Сергеева-Ценского, у Ерофеева, у кого-то еще, у Потехина получилась своя, особая – искренняя, душевная, проникновенная.

В авторском предисловии, вернее в том, что обозначено «Вместо предисловия», писатель как будто оправдывается перед возможными обви-

нениями в том, что он пишет о личном: «А что такое личная жизнь? Это частица жизни общественной...», и еще: «Время и люди, окружавшие меня, ушли в прошлое. И одновременно остались в настоящем и продолжают жить в будущем», – такова, по признанию автора, его «философия», которая призывает его сесть и написать от первого лица о том, что он знает и помнит.

Образ, вынесенный в название поэмы, взят из описания окружающего мира, открывающегося восторженному взгляду ребенка: «Напротив окошек, на березе, что у самого тына, сидят и навистывают скворцы». Со скворцами ассоциируются и сами непоседливые деревенские ребята, о которых идет речь в повествовании, тому порукой и выбранная для оформления обложки репродукция картины Александра Корнилова «Юные рыболовы» – по дорожке вдоль реки под березами идут босые мальчишки (справедливости ради отметим, что один из них в ботинках).

Последовательно, бережно, предельно эмоционально, главка за главкой создается лирическое повествование о том, что дорого автору. Вот первая главка «По солнышку»: «Думаю, надо для начала коротко рассказать обо всех, с кем рядом мы жили», и описывает он всех деревенских жителей, идя «по солнышку» от дома к дому: «Вот мы и обошли деревню по солнышку и познакомились немного с ее жителями». Потом – о самом близком и родном: «Дедова изба», «Бабка Орина», немножко дальше главки «Мать», «Отец». Еще назовем некоторые красноречивые названия главок: «Босиком по земле», «Душевное увлечение», «Забавы», «Золотые каравайи», «Хлебушко», «Теремок», «Рябина на крыше».

Важными, знаковыми, заветными представляются финальные слова первой главки, воспринимающиеся посвящением-прославлением:

«Бедняки, крестьяне, жившие беднее бедного, – вот люди моей деревни. Все работали истово, веря в новую светлую жизнь.

Они ушли и унесли с собой первородный, истинно крестьянский быт, ревностное отношение к крестьянскому труду и ревностную же, которую в словах не выразишь, любовь к земле.

А после них всё поплыло по течению, пошло-поехало. Потом хватились, да уж поздно...»

Далее в повести-поэме можно прочитать и такие горькие, выстраданные откровения: «Многое осталось и досталось нам. А много ли было нас-то?! Деревня от нужды, от рабской, бесплатной работы побежала. Побежала в город, где были и заработки, и выходные, и даже отпуска. И таили деревни одна за одной. И сиротели поля, и

луга, и пастбища. Поди навестай!.. Никто не косит теперь на речках. Э-эх! Не с нуля ли опять будем начинать?»; «Вот так работали люди, от души. Верили в колхоз. Верили в лучшую, светлую жизнь. Верили искренно, и эта вера была чиста. Это потом, постепенно родилась паразитическая жилка: прокатиться за счет других, поработать – авось не заметят – полегче, общее – это не мое...»

Приведем еще некоторые цитаты. Вот экспрессивная, передающая особенности местной разговорной речи реплика бабки главного героя о колхозах, которая переключается с не менее экспрессивными репликами героев других повестей писателя: «Холхозы? Ломишь, ломишь в етом холхозе, а много ли хлеба-то дают?! Осу дарству всё и увозят, что мужики наработают». Или вот такие эмоциональные детские умозаключения: «Глупые взрослые! Да разве же прутом да ремнем урезонишь детство?!»; «Какие там койки для нас – любо-дорого на полу!»; авторские возгласы-обобщения: «Баюкал нас лес, воспитывал душу, и было в нем непонятно хорошо, свежо и уютно»; «Но детская натура такая: неприятность быстро забывается»; «Когда все вместе – одно целое, каждый силен общей силой»; «Вот насколько люди привыкли довольствоваться малым!»; пейзажные зарисовки-олицетворения: «И солнышко шло с нами, улыбаясь ручью над макушками деревьев»; «И со мной бежит вприпрыжку солнышко»; «В природе тихо, кротко, солнечно»; патетические восклицания: «И Пахарь, и Конь тут вот вдвоем... Делают свое извечное нужное дело. И я, пацан, здесь оказался, чтобы запомнить всё это на всю жизнь...»; «Я впервые увидел и почувствовал, что мир был красивым и мудрым, праздничным и щедрым»; «Ах, как косят мужики! Широко, вольно, ловко – нам бы так!»; «Ах, что за хлеб выпекали тогда на поду большой печи в нашей пекарне в селе!»; риторические вопросы: «Не верилось тогда, что доживем когда-нибудь до сытых времен. Но до лучших ли?»

Пишет Владимир Потехин и о том, как в нем пробудилась любовь к слову. Об этом можно прочитать в главке «Первая учительница», в ней речь идет не о профессиональном педагоге, а о родной матери автора, которая «с большим желанием и зазором» учила его складывать из букв слова задолго до школы, разучивала с ним стихотворения, одно из них «Домик над рекою» Алексея Плещеева: «Уже взрослым я найду эти строки в сборнике Плещеева и перечитаю несколько раз подряд, возрождая воспоминания детства. И опять мне покажется, что напевнее, проще, об-

разнее и лучше этих стихов я не знаю». Кончается главка признанием-утверждением: «Знаю: это мать поселила во мне любовь к слову. А и все-го-то закончила она два класса церковно-приходской школы». Да и со школьными учителями будущему писателю повезло, благодарно он вспоминает наставление учительницы русского языка: «– Вдумывайтесь в слова! Вам откроется их смысл, связи и происхождение. Это ж так здорово!» Что ж, на благодатную почву упали эти зерна.

Завершается повесть-поэма так же, как и «Лесорубочки»: несет герой матери свой первый заработок – мешок зерна, а мать со слезами на глазах: «– Кормить бы тебя получше надо, работничек... Худой ты совсем стал... А ломило в батьку. Бабы одобряют... – И от этой материнской похвалы мне захотелось работать и работать еще лучше, еще больше. Лишь бы только платили...» В последней фразе вновь возвращается автор к больному, выстрадавшему – судьбе русского крестьянства в XX веке.

В предисловии редактора с красноречивым названием «Былое счастье лишь привиделось?» читаем: «Все три повести в этой книге обращены в прошлое, в котором автору чудился жизненный лад, особенно контрастирующий с первыми перестроечными трагедиями, которые он захватил. Не имеющий возможности как-то повлиять на глобальные процессы, он подспудно стремится запечатлеть, укрепить фундамент былого зданья жизни в надежде, что он еще пригодится в будущем. Отсюда и столь подробное, часто повторяющееся описание сложенных трудовых будней, которые воистину были праздниками. А может, и вправду былое счастье лишь привиделось?» Есть о чем задуматься. Впрочем, хорошие книги всегда побуждают к размышлению, потому что они и хорошие.

**Потехин В.В. Скворцы на березах:
Повести. Вологда: Киселев А. В.,
2022. – 319 с. ISBN 978-5-906945-82-2.**